

Юлия Чернова

АЛОЕ ПЕРО

Если и приходилось когда-нибудь Сэнди наблюдать дрожь неприкрытого азарта, то именно сейчас. Заметив в толпе хирурга, Сэнди протиснулся поближе и не поверил собственным глазам. Тот ли это строгий доктор, прозванный в клинике Айсбергом?... Сэнди видел высокий лоб, чуть впалые щеки, густой загар — доктор был местным уроженцем — видел худощавые гибкие пальцы лучшего хирурга клиники, но искаженного волнением лица не узнавал. Айсберг хрипло выкрикнул что-то, Сэнди не узнал и голоса. Где гул меди и звон стали, тон властителя и полководца? Айсберг перегнулся через барьер, отделявший ложи от арены и так вцепился в перила, что пальцы побелели.

— Осторожнее, — вырвалось у Сэнди.

Айсберг повернулся, но не услышал предупреждения и не разглядел Сэнди. Губы его были закушены, зрачки сужены — будто добрый час смотрел на солнце.

Ромадорцы недаром слыли горячими поклонниками состязаний, толпы зрителей стекались на стадионы, и еще большее число — приникало к экранам. Всеобщая любовь окружала и

тренеров, и наездников — последние просто не знали спасения от поклонников. Ставки на фаворита всегда бывали высоки, его победа отмечалась с величайшей пышностью, поражение — погружало две трети ромадорцев в траур.

Ко всем этим излишествам Сэнди давно привык, как привык к царившему на трибунах возбуждению: лихорадочным жестам, крикам восторга или отчаяния. Но даже среди гомонящих, охваченных лихорадкой зрителей, Айсберг выделялся. Выделялся ненормальным, неестественным напряжением, почти оцепенением.

Металлический голос объявил, что ставки больше не принимаются, и в следующую секунду гонг возвестил о начале состязаний. Айсберг навис над барьером.

— Так и внизу оказаться недолго, — вновь предостерег Сэнди.

Айсберг остался глух. Глух и слеп — видел только наездников. Дышал запаленно, будто сам неся в бешеной скачке.

Сэнди покосился на арену, стараясь не выпускать из поля зрения доктора, рискованно повисшего на перилах.

Внизу будто ожила древняя мозаика. По арене, взметая вихри золотого песка, мчались огромные кошки. Они и сами были в цвет песка — только не золотистого, какой привозили с нагорий,

а красноватого песка долин. Рыжий мех разнообразили черные и серые пятна. Мощные лапы напружинивались, звери отделялись от земли и как будто зависали в воздухе. Затем приземлялись — абсолютно беззвучно — и снова взмывали вверх. И каждый хищник возносил к небесам всадника.

Шестеро наездников в разноцветных куртках — алой, зеленой, синей, желтой, черной и белой — и масках, защищавших лица, — неслись навстречу друг другу. Сойдясь, звери поднялись на задние лапы, передними — стараясь сбить наземь седоков. Всадники, с трудом удерживаясь на гибких спинах, направляли и понукали животных, не давали сцепиться в клубок.

Черные и серые пятна, испещрявшие рыжие шкуры, как будто увеличились и расплылись — мех посерел от пыли, но все так же ярко посверкивали на солнце кривые сабли когтей. Удар. Всадник в алом вылетел из седла, упал, неловко подвернув ногу, тут же вскочил и, прихрамывая, отбежал на несколько шагов от места сражения. Снова опустился на песок.

Теперь уже не один Айсберг — многие зрители склонились над перилами, громко подбадривая наездников, свистя и улюлюкая. Айсберг молчал. После первого хриплого возгласа у него не вырвалось больше ни звука. Ни разу он не пошевелился. Свистящее дыхание и белые пальцы,

намертво стиснувшие перила. Казалось, состязание окончится, а он не сможет оторваться от барьера.

Сэнди досадливо поморщился. Видеть ловкие, гибкие, проворные, умелые руки хирурга, руки, спасавшие жизнь сотням людей — сведенными судорогой азарта!

Всадник в синем ловко оборонялся, отступая под натиском противника в черном, и тут же снова бросался в атаку. Мгновение — и двое зверей, свившись, покатались по песку. Всадники в синем и черном едва успели соскочить наземь. Спешно отбежали к дверям, куда, держась за бок и припадая на одну ногу, уже добрел упавший первым «алый».

На арене появились врачи, подхватили искалеченного наездника под руки, увели. В противоположные двери служители окриками и лакомством заманивали животных, оставшихся без верховых.

«Белый» всадник медлил, наблюдая за поединком «зеленого» и «желтого», ожидая противника. «Зеленому» не посчастливилось — его сбросил собственный расствившийся зверь.

Крики и свист на трибунах возросли многократно. Сквозь стиснутые зубы Айсберга вырывался свист, больше похожий на стон. Сэнди со все большим беспокойством взирал на окостеневшую фигуру. Заметил, как один зритель локтем подтолкнув соседа, указал на доктора.

— Тэнь-о.

Сосед небрежно кивнул, соглашаясь.

Слово ожгло Сэнди. «Тэнь-о» — «безумный слепец» — называли обычно курильщиков дурман-травы. Ночью они ютились в каких-то подворотнях, а днем выползали на площади, устраивались на солнцепеке у выбеленных стен. Часами сидели на корточках, не двигаясь, не говоря ни слова, бессмысленно глядя прямо перед собой. Худые, чумазые, оборванные — от обычных нищих их мгновенно отличали именно по «слепому» взгляду.

Случалось, «безумным слепцом» называли игрока, подчиненного страсти так, как «тэнь-о» подчинены дурман-траве.

Айсберг, лучший хирург и владелец клиники — тэнь-о! Человек, на которого молился весь персонал, не говоря уже о больных — тэнь-о!

Большие кошки припали к земле, глухо рыча и стегая себя длинными хвостами. Прыжок — «белый» и «желтый» наездники пронеслись друг мимо друга, каждый обдал противника волной песка и пыли. В миг оба стали неразличимы — серовато-желтые волосы, маски, одежда.

Новый прыжок — и снова промах, фонтаны песка, короткие возгласы зрителей. Звери поднялись на дыбки, тяжелые лапы обрушились на всадников. Один усидел, другой плашмя рухнул на

арену.

Айсберг отшатнулся от перил.

— Кто, кто, кто? — гомонили зрители, нетерпеливо поглядывая на табло.

Сэнди тоже не разобрал, кто из пропыленных наездников одержал победу, да это его и не занимало. Зато Айсберг разглядел ясно. Он еще медлил, отчаянно надеясь, что ошибся, но вот зажглось табло, сообщая о победе «белой куртки».

Айсберг повернулся, крепко зажмурившись — лицо будто водой облито, рубашка на плечах и спине промокла от пота. Вслепую он проталкивался прочь от арены. Сэнди поспешил следом, не уверенный, стоит ли предлагать помощь, но не сомневаясь, что за доктором нужно присмотреть.

Айсберг выбрался из толпы и заторопился по аллее куда-то в сторону зверинца и служб. Сэнди почти нагнал его и уже собирался окликнуть, когда дорогу хирургу неожиданно преградили двое мужчин. Хотя загорели они почти до черноты, Сэнди ни на секунду не усомнился, что видит чужеземцев. Аборигены в жизни не сумели бы подобрать рубашку в тон пиджаку, а о существовании галстуков даже не подозревали; к тому же, старались перещеголять друг друга пестротой нарядов.

Двое встречных были облачены в безукоризненно-элегантные светлые костюмы.

Общую серовато-бежевую гамму нарушали только неестественно-яркие заколки для галстуков, у одного — оранжево-алая, у другого — вишневая.

Сэнди подошел слишком близко, поворачивать назад было поздно, поэтому он проскочил мимо, не желая привлекать к себе внимания и не сомневаясь, что Айсберг его не заметит.

— Нехорошо уходить, не попрощавшись, доктор, — сказал тот из встречающих, что был постарше.

Младший прибавил:

— Долги надо платить, доктор.

Сэнди невольно сбавил шаг.

— Я все верну, — ответил Айсберг голосом человека, умирающего от жажды.

— Когда? — живо полюбопытствовал младший.

— Дайте неделю. Еще неделю.

Оглянувшись, Сэнди увидел, как старший мотнул головой.

— Ваши долги достигли внушительной суммы.

— Кредиторы требуют, чтобы вы продали клинику, — отчеканил младший.

Сэнди споткнулся. Оказывается, разговор касался его напрямую. Касался всех врачей и сестер, почитавших за великую честь и удачу

работать в клинике Айсберга. Сэнди продрался сквозь живую изгородь и, надежно скрытый вечнозеленым кустарником, приблизился к говорившим.

— Я смогу заплатить, — упрямо твердил Айсберг. — Через неделю.

— Слышали это много раз, — фыркнул младший.

— Я сполна заплачу, — Айсберг заложил руки за спину, поднялся на носки и резко опустился на всю ступню. — Слышите? Через неделю.

— Хорошо, — старший веско ронял слова. — Не будем жестоки и подождем неделю.

Младший поморщился, но спорить не стал.

— Я предоставляю вам неделю отсрочки, — так же внушительно повторил старший, — если нынче вечером заплатите проценты с долга.

Айсберг, шагнувший было в сторону, застыл на месте.

— Но...

— Только так, доктор. Только так.

Он слегка наклонил седую голову и неторопливо двинулся прочь. Младший удалился, не прощаясь.

Доктор с минуту глядел им вслед, потом заспешил к зверинцу. «Жаждет выведать наверняка — на кого ставить через неделю, — заключил Сэнди, — какой зверь окажется выносливее, а

наездник — ловчее».

Он отыскал свободную скамью и сел, желая спокойно поразмыслить. Лучше всего было бы отправиться прямо в клинику и сообщить новость старшей сестре. Сэнди доверял спокойному голосу и улыбчивым глазам этой женщины. Ни разу ей не изменила выдержка, ни разу не подвел здравый смысл. Возможно, она в курсе финансовых дел Айсберга? А если — нет, то, хотя бы, способна предположить, в чьи руки перейдет клиника? Останется ли работать Айсберг? Точнее, оставят ли его?... Или сменят весь персонал? А больные? Что будет с ними, если плата взлетит до небес?

Следовало немедленно вскочить, разыскать старшую сестру. Но Сэнди только расслабленно откинулся на спинку скамьи. Волна жара поднималась от земли, разогретой травы, раскаленного песка. Близился самый жаркий час дня, когда все живое охватывала истома.

Сэнди хорошо переносил жару. Он вообще легко освоился в тропиках. Местные жители с первого дня принимали Сэнди за своего, да и ему сразу стал родным этот яркий, сочный мир.

Прежде он воображал, что джунгли Ромадора — зеленые. Листва — она ведь и в тропиках — листва. Он не подозревал, что на деревьях гнездятся мириады птиц. И теперь Сэнди окружало буйство красок: самые причудливые сочетания оранжевого,

розового, алого, желтого, лазурного, бирюзового. Все вокруг трепетало, порхало, кружилось, трепыхалось. Водовороту красок вторил водоворот звуков. Сверху доносился непрерывный стрекот, клетотание, щебет, крик, утробный хохот, бульканье, свист.

Траву застилал пестрый ковер из птичьих перьев — рыжих, белых, синих, пурпурных. Птицы вышагивали и по дорожкам, а люди вежливо расступались, давая им дорогу. Черноглазая пичужка с малиновой грудкой и серо-голубыми крылышками подскочила к самой скамье, весело чирикнула, требуя подачки. Сэнди вытащил из кармана круглый хлебец — у ромадорцев вечно оттопыривались карманы, набитые хлебом и печеньем.

Он крошил хлебец, пичуга металась, выбирая крошку побольше, и в результате не хватая ничего, выказывая удивительное сходство птичьей природы с человеческой.

«Айсберг должен к вечеру достать деньги, чтобы уплатить проценты с долга. А если не достанет?»

Сэнди мрачно крошил хлеб.

Как он хотел работать в этой клинике! Прилетел в Ромадор, устроился в третьесортную больницу заштатным хирургом, трудился за гроши. Выбивался из сил, смеша коллег. Еще одного

аборигена на ноги поднял? А много ли тот заплатит? Имеет смысл лечить только зарубежных толстосумов.

Но Сэнди жаждал одного — практики, опыта. Рано или поздно он обретет уверенность в собственных силах и тогда... Поспешит на собеседование в лучшую клинику города.

Айсберг его опередил, явившись в убогую больницу, чтобы лично пригласить Сэнди на работу. Долго еще тот заикался от счастья и почитал случившееся чудом, даже когда старшая сестра объяснила, что Айсберг присматривает врачей по всем больницам. Сэнди ликовал беспредельно. Ассистировать самому Айсбергу! Оперировать вместе с ним! Учиться у него!

Пичужка наконец-то нашла достойный кусок: вспорхнула на колени к Сэнди, норовя схватить оставшуюся половину хлебца. Сэнди восхитился ее аппетитом, аппетиты Айсберга вохищали его много меньше.

«Думал ли, что через два месяца окажусь за дверьми? Что теперь делать? Добудет ли Айсберг деньги к вечеру?» Сэнди уже подсчитывал свои убогие капиталы. Сговориться с врачами и сестрами, собрать нужную сумму, заплатить за Айсберга проценты, получить неделю отсрочки? А потом... Что потом?

Как велики долги Айсберга? Непомерны, если

речь зашла о продаже клиники. Сбережений всего персонала не хватит, чтобы самим выкупить клинику. Айсберг рассчитывает только на выигрыш.

Прохожие, оказавшиеся в двух шагах от скамейки Сэнди, вдруг исполнили странный танец. Сначала затоптались на одном месте, потом попятились, затем отпрыгнули в стороны.

Сэнди приподнялся, заинтересованный. На дорожку выступила самая редкая и прекрасная птица Ромадора: нут-нуар. Черные лоснящиеся крылья, на шее — точно алые бусы, а хвост... На зависть страусам и павлинам — вишневые, пунцовые, бордовые, багровые перья, легкие и пышные. Но даже не расцветка составляла ее главную красу. Нут-нуар была изящнее лебедя и грациознее фламинго. Она не просто шла — шествовала, плыла, скользила. В такт шагам покачивалась маленькая голова на длинной гордой шее, трепетали перья дивного хвоста.

Нут-нуар меняла оперение лишь раз в жизни, и счастливчик, нашедший в траве или на тропинке пурпурно-алую роскошь, несясь домой, чтобы похвастаться драгоценностью перед соседями, подарить на годовщину свадьбы жене или на совершеннолетие — дочери.

Прохожие восторженно вскрикивали и всплескивали руками. Нут-нуар неторопливо

вышагивала по дорожке, принимая знаки поклонения. Милостиво клюнула кусок печенья, небрежно переступила через хлебную корку.

Она удалялась, оставив Сэнди раздумывать о недостатках человеческой породы в сравнении с подобным совершенством. В этих мыслях его укрепили резкие возбужденные голоса.

Мельком удивившись, что в такую жару у кого-то есть силы ссориться, Сэнди обернулся. И вновь увидел Айсберга — в сопровождении двух дам. Сэнди невольно встал. Теперь он искренне желал быть замеченным. Будет просто чудесно, если Айсберг обратит на него внимание и познакомит со своими спутницами. Точнее — с младшей из них.

Старшая, шедшая под руку с Айсбергом, казалась бесцветнее снов бухгалтера: пепельные волосы, бледное утомленное лицо, синеватые полукружия под глазами. Она выглядела тем невзрачнее, что на вороте ее серого, мешковатого платья алело перо птицы нут-нуар. Бросалось в глаза, затмевая все остальное. «Нужно вовсе не иметь вкуса, чтобы избрать подобное украшение».

Зато младшая сразу приковывала взгляд. Дивная птица нут-нуар, обращенная в человека. Черные завитки волос, украшенных алыми цветами, густой румянец, ямочки на щеках. И завораживающая красота движений. Поднимет ли

руку, повернет ли голову, шагнет ли — будто исполнит «па» старинного танца.

Они поравнялись со скамьей, и Сэнди поклонился хирургу. Айсберг ответил на поклон, но даже не рассмотрел, кто с ним здороваются. Девушка опустила глаза, польщенная восхищением Сэнди, затем оглянулась и показала ему кончик языка, доказав, что она скорее озорница, чем скромница.

Старшая, не заметив этой переглядки, остановилась и взяла ее за руку.

— Кармин... Кармин, прошу тебя.

Девушка низко нагнула голову, тотчас забыв о Сэнди.

— Прошу тебя... Последний раз, Кармин.

Младшая взглянула исподлобья и промолчала.

— Кармин, помоги нам.

Кармин махнула рукой — или нут-нуар — крылом?

— Ты уже говорила это. И неделю назад, и две недели.

— У нас нет другого выхода. Кармин, пожалуйста, одолжи нам денег.

— Я все верну, — подал голос молчавший до той минуты Айсберг.

Девушка не удостоила его ответом.

— Кармин... — настаивала бесцветная особа (Сэнди в сердцах окрестил ее «молью»). — Прошу

тебя...

Сэнди стоял, обливаясь потом от неловкости. Сегодня все настойчиво жаждали посвятить его в чужие секреты. Противостоять столь явному велению судьбы он не решился. Вдруг да услышит новости о клинике?

К тому же, в эти минуты он мог созерцать Кармин.

— Баррион, не проси, — ответила девушка звенящим голосом птицы нут-нуар. — Больше я не дам денег... Сколько вам ни дай — все проиграете.

На щеках Айсберга выступили красные пятна. Но еще пуще побагровел Сэнди, мучимый стыдом за лучшего хирурга Ромадора, вымаливавшего деньги у девчонки. Только моль Баррион оставалась по-прежнему бледной.

— Послушай, — она в сердцах напустилась на младшую, — отец мог бы и мне что-нибудь оставить! Ты об этом не задумывалась? Довольно и того, что мы с матерью жили впроголодь, когда он сбежал к юной красотке. А когда ты родилась — вовсе о нас забыл.

— Твоя мама не принимала от него помощи, — растерянно откликнулась Кармин.

— Значит, не слишком настойчиво предлагал! — Баррион немного остыла и продолжала спокойней. — После смерти отца я могла бы отсудить свою долю наследства, адвокаты